

«MUST READ» — New York Post

Ану Партанен

СЕВЕРНАЯ формула счастья

Как жить так,
чтобы вам завидовал
весь мир

Ану Партанен
Северная формула
счастья. Как жить, чтобы
вам завидовал весь мир
Серия «Хюгге. Уютные
книги о счастье»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66588458

Северная формула счастья. Как жить, чтобы вам завидовал весь мир:

Эксмо; Москва; 2021

ISBN 978-5-04-159953-9

Аннотация

Ану Партанен родилась и выросла в Финляндии. Она была успешной журналисткой и не собиралась покидать родину... пока не вышла замуж за американца и не сменила дом на быстрый и шумный Нью-Йорк.

Скандинавская модель общества сводит к минимуму все формы зависимости – людей друг от друга, детей от родителей, подчиненных от работодателей. В американской – все наоборот. Автор уверена: Финляндия – не идеал, но почему она считается самой счастливой страной в мире?

Исследуя принципы скандинавской жизни, Парганен рассказывает, почему счастье заключается не в том, чтобы выделяться из толпы, как жить размеренно без постоянной погони за бóльшим и что нужно для того, чтобы быть оптимистом.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Отзывы о книге	6
Пролог	9
1. На земле свободных: превращение в американку	21
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Ану Партанен

Северная формула счастья.

Как жить, чтобы вам завидовал весь мир

© Богданов А.С., перевод на русский язык, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

ОТЗЫВЫ О КНИГЕ

«Дотошное исследование. [Партанен] дает внятнй, информативный и проиллюстрированный многочисленными фактами обзор различий между Америкой и Северной Европой в организации детских дошкольных учреждений, здравоохранения, образования, ухода за престарелыми и налогообложения. Возможно, эта книга переломит ход общенациональной дискуссии о роли государства в жизни граждан»

Seattle Times.

«Партанен удачно перемежает рассказы о личном опыте ее знакомых с простыми и однозначными цифрами государственной статистики... Партанен пишет обстоятельно и создает обстоятельную доказательную базу»

New York Times Book Review.

«Занятое сочетание репортажа и воспоминаний»
O, The Oprah Magazine.

«В этот выборный год рассудительная книга Партанен должна стать обязательным чтением для тех, кто удивлен чувством обиды и отчуждения столь многих американцев»

Foreign Affairs.

«Смелую и обаятельную книгу Партанен пронизывают чувство гордости за свою родную страну и искренняя озабоченность проблемами американского среднего класса, а ее восприятие американской проблематики выглядит очень точным»

Booklist.

«Неравнодушное и осмысленное высказывание»

Publishers Weekly.

«Эта интересная книга появилась очень своевременно, поскольку темы неравенства и роли социального обеспечения никогда не были столь же актуальны, как сейчас»

Library Journal.

«Эта серьезная, хорошо написанная работа достойна внимания именно в нынешней токсичной политической обстановке»

Kirkus.

«Если бы американцы действительно понимали, насколько у нас все плохо в части несправедливого и бестолкового устройства детских дошкольных учреждений, образования и здравоохранения, мы бы вышли на улицы. Ану Партанен вдребезги разбивает затасканные стереотипы о североевропейских социальных государствах и показывает, чего мы лишены в самых разных сферах человеческого благополучия. Это опасная книга. Она не должна

попадать не в те руки»

Джудит Шулевиц, автор книги «Мир Шабата».

«Это чудесная, обнадеживающая книга о том, каким могло бы стать американское общество, причем не путем принятия североевропейской «социалистической» модели, а придерживаясь ценностей, которые позволяют гражданам стран Северной Европы наслаждаться большей степенью свободы и равенства, чем существующие в Америке наших дней. Некогда американской мечтой вдохновлялся весь мир. Ану Партанен показывает, как обрести ее вновь»

– Роберт Райх, почетный профессор кафедры государственного управления Калифорнийского университета в Беркли.

Пролог

Билл Клинтон откинулся на спинку кресла, глядя перед собой в пространство поверх оправы очков. В одной руке он держал микрофон, а другую поднял перед собой ладонью вперед. На какое-то мгновение в битком набитом людьми банкетном зале воцарилась полная тишина.

Заговорив, Клинтон обратился к сидящей рядом с ним на сцене женщине с ярко-рыжими волосами.

– Сейчас в Америке очень много спорят, – сказал он.

Шел сентябрь 2010 года, с начала финансового кризиса минуло почти два года. Клинтон вновь сделал паузу и опустил руку.

– Спорят о том, что нужно в XXI веке для того, чтобы страна была успешной. Такие же споры идут и во многих других странах по всему миру. – Клинтон окинул взглядом аудиторию. – Налицо огромное недоверие.

На другом краю сцены Клинтона слушала группа знаменитостей из высших кругов американского общества. Тут был председатель совета директоров Google Эрик Шмидт. Тут была Мелинда Гейтс – соосновательница многомиллиардного благотворительного Фонда Билла и Мелинды Гейтс. А еще тут был Боб Макдональд – на тот момент главный исполнительный директор транснациональной корпорации Procter&Gamble. Но Клинтон как будто не замечал их при-

сутствия. Говоря, он полностью сосредоточил свое внимание на сидящей рядом огненно-рыжеволосой женщине.

– Как убедить людей не оглядываться назад и не проклинать прошлое, а просто разобраться – вот прямо встать завтра с утра и разобраться – с тем, что, черт возьми, мы будем делать прямо сейчас? – спросил он ее.

Клинтон заговорил с еще большим напором и повернул свое кресло боком к аудитории. Теперь он обращался уже непосредственно к своей соседке, разрезая ладонью руки воздух, как каратист.

– Как нам решить, что должны делать власти? Что должен делать частный сектор? Как построить систему налогообложения? – Продолжая говорить, он вновь повернулся лицом к публике. – Как нам выстраивать отношения с остальным миром? Как определиться с нашими обязательствами перед беднейшими странами? Как человеку вести свой бизнес? И как вы убедите всех этих людей начать все заново?

Клинтон положил микрофон, скрестил руки и посмотрел поверх очков на рыжеволосую даму.

– Спасибо, – сказала она, взглянув на Клинтона. – Это же элементарные вопросы.

Дав публике отсмеяться, женщина начала говорить, искренне стараясь откликнуться и на ошеломляющую тираду Клинтона, и на невысказанные заботы и страхи всех присутствующих в зале.

Дело было в Нью-Йорке, где этим утром вторника в оте-

ле Times Square Sheraton шла конференция Глобальной инициативы Клинтона¹. Более тысячи участников из девяноста стран мира собрались, чтобы обсудить, что нужно сделать, чтобы в XXI веке жизнь людей всей планеты стала лучше. Среди них были бывшие главы государств, первые лица крупнейших компаний и руководители неправительственных организаций.

За час до этого Клинтон вышел на сцену поприветствовать собравшихся и открыть мероприятие. Выглядел он неплохо. Хотя экс-президент Соединенных Штатов явно постарел, но зато стал намного стройнее, чем в бытность свою главой государства. Его щеголеватый наряд был выдержан в патриотических цветах – синий костюм, белая рубашка и красный галстук. В спокойной и уверенной манере Клинтон представил аудитории сидящих на сцене экспертов, в том числе рыжеволосую женщину. Сообщив, что по роду занятий она, как и он, президент страны, и перечислив несколько других областей ее деятельности, он перешел к тому, что явно занимало его больше всего остального.

– И страна этой женщины неизменно входит в пятерку лучших в мире по качеству образования, состоянию экономики, справедливости распределения материальных благ и равенству возможностей, – сказал Клинтон.

Еще не так давно подобные дифирамбы могли ассоции-

¹ «Глобальная инициатива Клинтона» (Clinton Global Initiative, CGI) – одна из программ благотворительного Фонда Клинтона. – *Прим. пер.*

роваться с наиболее видными и могучими мировыми державами – например, с Соединенными Штатами, или Японией, или Германией. Но женщину в простом бежевом брючном костюме, которую экс-лидер свободного мира пригласил на сцену вместе с наиболее влиятельными лицами планеты, звали Тарья Халонен, и она была президентом Финляндии – куда более скромной страны, запрятанной в северо-восточном уголке Европы неподалеку от Северного полярного круга.

К тому времени Финляндия уже с десяток лет была предметом восхищения всего мира, и внимание к ней стремительно возрастало. Все началось с восторгов по поводу школьной успеваемости финских детей. По данным международных опросов, начиная с 2000 года финские подростки неизменно были первыми или входили в тройку лучших по чтению, математике и естественно-научным предметам. Чтобы посмотреть на местные школы и поговорить со специалистами в области образования, в Финляндию одна за другой устремились делегации из других стран. И очень скоро в мире уже говорили о финском педагогическом чуде.

Затем, всего за месяц до организованной Клинтоном конференции, журнал Newsweek опубликовал результаты своего всемирного опроса. Журналисты задались целью получить ответ на вопрос, который, по их же словам, был «одновременно и очень простым, и невероятно сложным: какая из стран предоставляет рождающимся сегодня самые лучшие возможности для здоровой, спокойной и разумно со-

стоятельной жизни, уровень которой постоянно повышается?» Они определили пять показателей благополучия страны – образование, здравоохранение, уровень жизни, конкурентоспособность экономики и политическая обстановка – и сравнили по этим критериям около сотни стран. Результат стал своеобразным неприятным сюрпризом для Соединенных Штатов и прочих великих держав, скорее всего, рассчитывавших возглавить рейтинг. Newsweek объявил, что лучшей страной для человека, начинающего свою жизнь в первом десятилетии XXI века, является Финляндия. Соединенные Штаты не попали даже в первую десятку, удовольствовавшись одиннадцатым местом.

В последующие месяцы и годы Финляндия продолжала пожинать лавры. Международный гляцевый журнал о стиле жизни Monocle провозгласил столицу страны Хельсинки самым подходящим для жизни городом мира, а в «Отчете о глобальной конкурентоспособности» Всемирного экономического форума за 2011 год Финляндия была четвертой – при этом на следующий год она переместилась на третье место. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) объявила Финляндию четвертой страной мира по лучшему соотношению работы и личной жизни. Согласно «Системе оценки инноваций» Евросоюза Финляндия стала одной из четырех стран – лидеров инновационной деятельности.

Что касается ООН, то там вознамерились измерить нечто,

казалось бы, не поддающееся измерению – счастье. В вышедшем в свет весной 2012 года «Докладе о счастье народов мира» Финляндия достигла почти самой вершины рейтинга, став второй счастливейшей страной планеты. Вдобавок к этому, на пьедестале почета она оказалась в компании своих ближайших соседей по Северной Европе – Дании и Норвегии.

На фоне тотального пессимизма, охватившего юг Европы в связи с кризисом евро, газета Financial Times опубликовала специальный репортаж о Финляндии под заголовком «Богатые, счастливые и умеющие экономить». В то же время, был один глобальный рейтинг, в котором Финляндия заняла твердое последнее место: Индекс недееспособных государств. Разработавший его американский Фонд мира посчитал Финляндию наименее нестабильной страной из всех. В том, что касалось международной репутации Финляндии, была и вишенка на торте: замысел Angry Birds – вероятно, самой популярной в мире игры для мобильных телефонов, – родился в головах финских программистов.

Но, пожалуй, самое сногшибательное событие имело место в мае 2012 года, когда британский политик, то есть представитель старейшей и ближайшей союзницы Америки в Старом Свете, изрек нечто, что невозможно было представить себе в минувшие сто лет. Лидер лейбористов Эд Миллибэнд присутствовал на конференции по вопросам социальной мобильности. Эксперты ломали головы над вопро-

сом о том, смогут ли будущие поколения жителей планеты жить лучше по сравнению со своими родителями. На протяжении многих десятилетий, если не веков, Соединенные Штаты считались страной, предоставляющей человеку максимум возможностей повысить свой социальный статус. Отныне это не так, заявил Миллибэнд: «Хотите воплотить американскую мечту – отправляйтесь в Финляндию».

На верхних позициях множества разных рейтингов конкурентоспособности и качества жизни Финляндия оказывалась в хорошей компании, как и в случае с «Докладом о счастье народов мира». Судя по ним, в Северной Европе действительно было очень неплохо. Помимо Финляндии, на верхние строчки обычно попадал кто-то из ее соседей – Дания, Норвегия, Швеция, а иногда и Исландия. Эту группу стран часто называют Скандинавией, но более корректным обобщенным наименованием всех пяти является Североевропейский регион².

На протяжении веков образцом качества жизни и наличия социальных лифтов в мире считали США. Но сегодня Америка уже не слишком вдохновляет не только английских

² Под Скандинавией в странах Северной Европы обычно понимается только Дания, Норвегия и Швеция, поскольку их языки близки северогерманским. Одним из ответвлений этой языковой семьи является исландский. Напротив, финский язык с ними никак не связан и ведет свое происхождение от племен, населявших некогда Урал. В этих странах используется понятие «североевропейские», подчеркивающее политическое и культурное единство региона. Однако в Соединенных Штатах все эти пять стран обычно называют скандинавскими.

лейбористов. В поисках способов повышения благосостояния, увеличения числа работающих женщин, развития потенциала детей и благополучия страны в целом британский премьер-консерватор Дэвид Кэмерон не стал искать модели для заимствования в Соединенных Штатах, а обратил свой взгляд в другую сторону – на страны Северной Европы. Вслед за ним аналогичное настроение овладело и британским рупором свободного рынка – журналом *The Economist*, где был опубликован специальный репортаж о Северной Европе под названием «Супермодель будущего». В нем подробно исследовался вопрос, каким образом североевропейским странам удастся достигать таких успехов в экономике и социальном обеспечении.

Повысился интерес и к культуре стран Северной Европы, причем даже внутри США. Швеция произвела на свет безумно популярную группу ABBA, детективные бестселлеры Стига Ларсона, сети бюджетных модных магазинов H&M и революционных мебельных IKEA, не говоря уже о классических автомобилях Volvo. Давно известная своими пластмассовыми конструкторами LEGO Дания теперь еще и производит первоклассные детективные телесериалы вроде «Убийства», а копенгагенский ресторан Noma считается одним из лучших в мире. В августе 2012 года гляцевый журнал *Vanity Fair* официально возвестил о том, что было очевидно и так – мир переживает «увлечение всем скандинавским».

Лично для меня во всем этом был какой-то привкус горькой иронии. В 2000 году, когда Тарья Халонен впервые стала президентом Финляндии, я была неопытной финской журналисткой двадцати пяти лет от роду, которую приняли на работу в крупнейшую газету страны Helsingin Sanomat. Я была самой настоящей финкой – родилась и выросла в небольшой тихой северной стране, которая совершенно неожиданно сделалась центром восхищенного внимания всего мира.

Но на фоне поголовного увлечения Финляндией я поступила ровно наоборот. Для меня это был момент увлечения всем американским. Незадолго до того, как Newsweek объявил мою родную страну лучшей в мире, я решила бросить все и начать новую жизнь – финской иммигранткой в Штатах.

Теперь я смотрела на свой былой североевропейский дом уже из-за океана. Подобно верной болельщице, я гордилась успехами Финляндии в международных соцопросах и рейтингах. В то же время, я постоянно отвлекалась на проблемы, возникающие в моей новой американской жизни. Вдобавок, американцам вокруг меня, казалось, не было особого дела до Финляндии или ее стран-соседей, расположившихся неподалеку от Северного полярного круга. Они были слишком озабочены собственными делами и проблемами. Возможно, большим политикам вроде Билла Клинтона или журналистам из The Economist и хватало сил и времени на восторги по поводу Финляндии, но, если честно, то что мо-

жет предложить многоликим и динамичным Соединенным Штатам кучка маленьких, холодных стран, где все выглядят одинаково, ведут себя одинаково и одинаково радуются тарелке селедки на своем столе?

США уже давно были мировым светочем свободы, независимости, индивидуализма и возможностей. В сравнении с раскованной и свободолюбивой Америкой жизнь в странах Северной Европы может показаться не только старомодной, но и попросту ужасной. Немало американцев видят в североевропейских странах жалкие «государства-няньки», пичкающие своих граждан социальными пособиями и программами, которые не приносят счастья, а, напротив, порождают зависимость, апатию и уныние. Американские критики так называемой «северной супермодели» по большей части говорят о высокой распространенности депрессии, алкоголизма и самоубийств в моей родной стране и в странах по соседству.

Да и в самих североевропейских странах очень многие не понимали, чем объясняется вся эта шумиха. Мои финские соотечественники знамениты своей заниженной самооценкой. Чуть ли не все население страны сочло объявление Финляндии лучшей страной на свете журналом Newsweek ужасной и крайне постыдной ошибкой. А мысль о том, что финны могут быть второй счастливейшей нацией мира, показалась многим из них просто смехотворной. Долгие, темные и морозные финские зимы действительно делают многих жи-

телей страны несчастными, а алкоголизм – реальная проблема этой страны. Хотя с чувством собственного достоинства жителей Швеции, Дании и Норвегии дела обстоят несколько лучше, чем в Финляндии и Исландии, но ни одну из этих стран нельзя назвать идеальной для жизни. В то же время источником вдохновения для многих обитателей Северной Европы служат США, особенно их поп-культура, предпринимательский дух и всемирно известные города вроде Нью-Йорка, Сан-Франциско или Лос-Анджелеса.

Когда я обустроивала свою новую жизнь в Соединенных Штатах, американская экономика начала оправляться после тяжелейшего финансового кризиса. А дома в Финляндии все как-то помрачнело. Глобальная рецессия и кризис еврозоны оказали болезненное влияние на страну, и прославленный экономический рост замедлился. Финские школьники уже не попадали на первые места всевозможных рейтингов, хотя и продолжали учиться очень хорошо. В общем, на вопрос о том, действительно ли его страна является «суперприме-ром» для остального мира, встреченный на улице обычный житель Финляндии с большой долей вероятности ответил бы вам сердитым «нет» (особенно в холодную и хмурую погоду).

Однако чем дольше я жила в Америке, тем больше мне становилось ясно одно. Независимо от того, «лучшая на свете страна» Финляндия или нет, подавляющему большинству американцев, равно как и остающихся на родине моих сооте-

чественников, и в голову не приходит, что переехать из любой североевропейской страны жить в Америку начала XXI века означает своего рода возврат в прошлое – и возврат очень резкий.

Я заметила и кое-что еще. Американцам, как и многим другим жителям планеты, просто невдомек, насколько можно улучшить окружающую действительность.

1. На земле свободных: превращение в американку

Возможности

Невеста смотрела в окно. Мне помнилось, что она была в белом, но сейчас, рассматривая сделанные в тот день фотографии, я понимаю, что на самом деле она была в черном и выглядела встревоженной. Про ее тревогу я помнила, поскольку телеведущие без устали комментировали любые изменения на ее прекрасном лице. Собственно, говорить им было особенно не о чем. Было известно лишь, что бракосочетание состоится в одном из итальянских замков в присутствии 150 гостей. Дежурившим снаружи папарацци и журналистам оставалось лишь сообщать о прибытии гостей и о том, кто из них как одет.

Я наблюдала за этим по телевизору, находясь за несколько тысяч миль, в Бостоне, куда приехала на конференцию. Полистала телеканалы. Помимо свадьбы Тома Круза и Кэти Холмс, в новостях сообщали о том, что судьи Верховного суда США получили бандероли с отравленным печеньем. Отправительница заботливо приложила к каждой отправке по сопроводительному письму, уточняющему ее намерения: «Я

убью вас. Это отравлено». Тем же вечером на ужине один из участников конференции, стоявший за мной в очереди к фуршетной стойке, с улыбкой спросил меня, не смогу ли я продегустировать для него еду. Ему было интересно, насколько она съедобна. Я решила, что он таким образом шутит по поводу печенья, отправленного в Верховный суд, и сказала, что обязательно дам ему знать, если еда отравлена. Он удивленно воззрился на меня. Я стала было объяснять, что имела в виду напуганных судей, и он удивился еще больше. Скоро смущенно хихикали мы оба. Оказалось, что он не смотрел новости и не знал про Верховный суд и печенье. Сидя рядом за ужином, мы начали понимать друг друга намного лучше. Спустя еще два часа мы уже целовались под большим деревом. А на следующий день я села в самолет, чтобы совершить десятичасовое путешествие на родину, в Финляндию.

Мои подружки в Хельсинки были в восторге. Ты познакомилась с американским писателем! На конференции! Как это романтично! А когда они узнали, что вскоре после первой встречи Тревор позвонил и сказал, что собирается навестить меня в Финляндии, их восторг перерос чуть ли не в экстаз – надо же, прямо реальная love story! Тревор действительно приехал, и его визит удался. Наши межконтинентальные отношения продолжились, а поскольку после каждого свидания наступало неизбежное расставание, подружки

принимались вздыхать: «Ты же, наверное, сильно скучаешь по нему?», «Тебе же, наверное, очень грустно, да?»

Он мне очень нравился. Но я все еще не была уверена в том, что он мне нравится настолько сильно, насколько в это верили мои подруги. Тревор только что переехал из Вашингтона в Нью-Йорк, и когда им стало понятно, что я буду регулярно навещать его в Бруклине, подруги отнеслись к этому как к телесериалу. Вы же будете прямо как Дерек и Мередит из «Анатомии страсти»! Ты же будешь, как Кэрри из «Секса в большом городе»! (Оба этих сериала были очень популярны в Финляндии.)

Была только одна проблема – я совершенно не собиралась переезжать в Америку. Да, Тревор был похож на «мужчину мечты», но не собираюсь же я бросать все на свете только потому, что влюбилась? К тому моменту я повидала мир. Два года училась за рубежом – год в Австралии, в Аделаиде, и еще один – в Париже. Будучи журналисткой, побывала на всех континентах, кроме Антарктиды, и даже в легендарном Нью-Йорке. И к какому же выводу я пришла? Что хочу жить в Финляндии.

Работая, читая и набираясь опыта, я решила также, что смысл жизни женщины не только в том, чтобы ухаживать за мужем и детьми. У нее должна быть собственная жизненная цель, свобода выбора и собственная работа, подразумевающая источник дохода. Как сказала как-то британская актриса Хелен Миррен, «лучший подарок любой девушке – эко-

номическая независимость». Я хотела быть сильной, умной и творческой женщиной, а не девочкой, бросающей все ради парня.

Чем дольше продолжались наши с Тревором отношения, тем сложнее мне становилось. За два года нашего межконтинентального романа мы насчитали четырнадцать перелетов из страны в страну ради того, чтобы побыть вместе. Тревор стал моей любовью, лучшим другом и светом в окошке. И разве можно от всего этого отказаться?

Становилось понятно, что если мы хотим вывести свои отношения на новый этап, кому-то придется оставить прежнюю жизнь, и налицо был список причин, по которым этим кем-то должна была стать я. В принципе Тревор мог перебраться в Финляндию. Но, похоже, он не собирался этого делать, и, надо сказать, я понимала, что это было бы не очень разумно. Он не говорил по-фински, зато я говорила по-английски. Нью-Йорк – город интернациональный, и у меня больше шансов найти себе там работу, чем у Тревора в Хельсинки.

А кроме того, некоторые стороны финской жизни вряд ли понравились бы Тревору, даже если он и захотел бы перебраться.

Я всегда очень любила Финляндию. Не говоря уже о том, что в ней живут мои обожаемые родные и друзья, в этой стране очаровательное лето и замечательная природа. Из нее

удобно добираться до других частей Европы, так что даже самые обычные граждане могут выбраться на выходные в Париж или Рим. В то же время по сравнению с любой частью США Финляндия может показаться местностью холодной, мрачной и часто довольно скучной. Финны давно известны своей неприхотливостью, но это не то, что давало бы возможность сравнивать жизнь в Хельсинки с жизнью в таком городе, как Нью-Йорк.

Разумеется, Финляндии есть чем гордиться, даже несмотря на то, что многие считали марку Nokia – самую знаменитую марку финских мобильных телефонов – японской. Более отчетливо финскими звучат фамилии наших знаменитых дизайнеров и архитекторов – создателя знаменитых кресел Алвара Аалто и Ээро Сааринена, по проектам которого построены вашингтонский аэропорт и один из терминалов нью-йоркского. Любителям классической музыки наверняка знакомы симфонии нашего Яна Сибелиуса. А тем, кто смотрел телешоу «Late Night with Conan O'Brien», могли запомниться регулярные шуточки ведущего относительно его пугающего сходства с нашей рыжеволосой дамой-президентом. Когда ты – житель небольшой страны, соглашаться нужно на любую славу.

Однако, как со всей очевидностью показано в романе Стига Ларссона «Девушка с татуировкой дракона», у стран Северной Европы есть и темные стороны, причем темные даже в самом прямом смысле. После своего первого приезда

ко мне Тревор рассказывал своим американским друзьям, что за проведенную в Хельсинки неделю видел солнце всего лишь три часа. Из-за этой тьмы многие жители Северной Европы считают необходимым условием сохранения своего душевного здоровья поездку в Таиланд среди зимы – по крайней мере, те, кто может себе это позволить. А для финнов вообще характерно видеть жизнь как бесконечную череду препятствий и огорчений, в которой пустые разговоры и утонченность манер неуместны. В результате со стороны они могут показаться мрачными и даже грубыми. Мне легко было представить себе, в какую депрессию может погрузиться Тревор, переехав из веселого и солнечного Нью-Йорка на мою необщительную родину.

Чем больше я размышляла о меланхоличной финской душе, тем больше мне казалось, что именно гражданам США с их оптимизмом, уверенностью в себе, смекалкой и умением мгновенно превращать затруднения в выгодные возможности стоит считать свою страну лучшей на свете. И мне было едва ли не стыдно рассказать Тревору о том, как я сама проявила качество, которое финны больше всего ценят в себе и других. По-фински оно называется *sisu*, что, наверное, лучше всего перевести как «упорство».

Когда мне было десять лет, наша семья жила в лесной глубинке. Как и подавляющее большинство финских детей, мы с братом проделывали полуторакилометровый путь до школы и обратно совершенно самостоятельно. Иногда мы про-

езжали его на великах, иногда шли пешком, но зимой, когда сугробы были слишком высокими, нас отправляли в школу на лыжах. Лыжи я терпеть не могла и поэтому часто настаивала, что все равно пойду пешком. Как-то вечером мама невзначай поинтересовалась, как я добиралась до школы.

Я объяснила, что сперва было нелегко, поскольку я то и дело проваливалась по пояс в снег. Но потом я обнаружила, что если ползу на четвереньках, то почти не проваливаюсь. Так что после этого все пошло проще, и оставшийся путь до школы я проделала на четвереньках.

Для моих гордых родителей это послужило знаком того, что их дочь обладает *sisu*. Могу представить себе, какую историю рассказал бы гордый американский родитель: ребенок выбирается из снега, тут же останавливает проезжающую мимо машину и со свойственным ему обаянием уговаривает водителя довезти его до школы. А по дороге еще и предлагает ему вложиться в бизнес по уборке снега. В результате к шестнадцати годам ребенок руководит многомиллионным бизнесом, а его фото красуется на обложке журнала *Fortune*. Ну и что такого выдающегося в Финляндии по сравнению с Америкой? Есть ли хоть что-то, что мешает из нее уехать?

Я составила список хороших и плохих сторон своего переезда в Америку.

Сначала – плохие.

В Финляндии я уже больше десяти лет работаю журнали-

стом и редактором, и, как и все мои знакомые, веду вполне комфортабельную жизнь представительницы среднего класса. Поле уплаты налогов у меня всегда остаются деньги не только на путешествия, рестораны и прочие удовольствия, но и на то, чтобы ежегодно направлять приличную сумму в сбережения. Мне не приходится переплачивать за медицинское страхование, а любые виды медицинской помощи в случае необходимости будут стоить мне очень немного. Если в Финляндии мне случится серьезно заболеть, то расходы на лечение не будут значительными. А кроме того, я получу до двенадцати месяцев отпуска по болезни с сохранением зарплаты и места работы, а также дополнительную помощь впоследствии, если она понадобится.

А что насчет одного-двух детишек? В Финляндии я буду иметь право на целых *десять* месяцев *оплачиваемого* отпуска на каждого ребенка, и беспокоиться о возможной утрате своего рабочего места мне не придется³. Затем мои дети пойдут в недорогое и качественное дошкольное детское учреждение. Они смогут бесплатно учиться в одних из лучших в мире школ и продолжить свое образование в университетах

³ В Финляндии каждый гражданин страны имеет право на примерно годичный оплачиваемый отпуск по временной нетрудоспособности и на десять месяцев оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком. Выплаты в период отпуска частично компенсируют зарплату (для отпуска по уходу за ребенком примерно на 70 %) и производятся за государственный счет. Некоторые работодатели предоставляют лучшие условия, как правило, в соответствии с коллективными договорами.

– тоже бесплатно.

Как и у подавляющего большинства финнов, у меня будет четыре-пять недель летнего отпуска. Хотя зимы у нас суровые и мрачные, но летом здесь очень хорошо, а общество и работодатели считают полноценный отдых важным фактором поддержания здоровья людей.

Я не вполне понимала, как такие вещи устроены в США, но складывалось впечатление, что с подобными возможностями там все намного сложнее. Более того, на роль богатого американского поклонника Тревор явно не годился. Его книги продавались неплохо, кое-какие сбережения у него были, но с его писательскими и преподавательскими заработками он не сможет позволить себе намного больше, чем обеспечивать самого себя.

И как раз, когда в 2008 году я обдумывала все эти вещи, крах инвестиционного банка Lehman Brothers положил начало финансовому кризису, погрузившему американскую экономику в состояние полной неопределенности.

Но были и хорошие стороны.

Тревор прекрасен. Нью-Йорк – чудесный город. Соединенные Штаты всегда были страной возможностей. Америка была полна позитивной энергии и творческого духа. Она была родиной культуры, во многом определяющей мою повседневную жизнь, – от произведений искусства и товаров и услуг до технологий. Я на собственном опыте познаю, что значит жить в самой могущественной стране мира, и открою

новую главу своей жизни вдали от спокойствия и благодушия, присущих Северной Европе. Я стану одной из великого множества людей, которым не терпится вдохнуть воздуха свободы, еще одной участницей величайшего эксперимента на планете: построения действительно многонационального общества, члены которого живут и работают бок о бок, движимые своим свободолюбием и стремлением достичь большего. Американская мечта манила. А про финские зимы я уже говорила? И, что еще важнее, про любовь?

Я задала себе стандартный вопрос: что будет, если оставить все как есть – все то же самое еще лет на тридцать? О чем буду больше жалеть на смертном одре – что осталась или что уехала? Я не отличалась ни излишней романтичностью, ни излишним материализмом. Я считала себя реалисткой и, как реалистка, сочла, что на смертном одре не буду думать о проторенных путях и связанных с ними жизненных благах. Я буду думать о состоявшейся любви, проявлениях отваги и рисках, на которые шла.

В ноябре я уволилась с работы. Съехала с квартиры. Избавилась от своих пожитков. В день Рождества попрощалась с родными и друзьями, а следующим утром села на самолет в Америку.

Тревожность

Все произошло мгновенно. Меня охватила паника, внут-

ренности как будто залило горячей волной, а голову сдавило обручем тупой боли. Я судорожно пыталась отдышаться, но, казалось, что воздух просто не поступает в легкие. С каждым вздохом я ощущала звон в ушах.

Такой приступ паники случился со мной второй раз в жизни. Впервые я испытала нечто подобное в походе по лесам Лапландии неподалеку от российской границы, который мы предприняли вместе с мамой. У нее родилась идея продраться сквозь заросли к лесной сторожке, которую она нашла на карте. Она сказала, что уже побывала в ней с группой друзей, но меня совершенно не порадовало ее беззаботное замечание о том, что для этого им пришлось поплутать по лесу несколько часов. Компаса у нас не было, но мы все равно пошли.

Ясное дело, через пару часов мы заблудились.

Я ощущала, как во мне нарастает тревога, а физически ощутимый страх не поддавался никаким доводам разума. Меня трясло, мозг оцепенел, я чувствовала себя одинокой и покинутой в беде. Сигнала на наших мобильниках не было, и я задумывалась, не стоит ли разжечь костер, чтобы вызвать подмогу. Я уговаривала себя перестать дурить – в конце концов, мы были не так далеко от известных троп в погожий осенний день, – но могла лишь изображать спокойствие, хотя внутри меня просто колотило. Сознание возможности того, что что-то пойдет не так, наполняло меня ужасом.

Мы шли по еловому лесу, изредка встречая на пути оле-

ней, пока не оказались на вершине холма. Оттуда мы увидели заходящее солнце и поняли, что садится оно на западе. Сориентировавшись, мы быстро нашли изгородь, указанную на карте. И сразу же вновь оказались на той же тропе, с которой сошли. Тревога сразу же улетучилась.

Второй приступ тревожности я испытала вскоре после своего переезда в Америку. Я не делала ничего опасного, но физическое ощущение страха было точно таким же. Сперва я думала, что это стресс, вызванный привыканием к жизни в чужой стране. Приходится целый день говорить на иностранном языке, и часто ты просто не понимаешь, что происходит вокруг, даже в самых обычных бытовых ситуациях. Но разбираться с тем, как устроена жизнь в Америке, оказалось намного сложнее, чем с какими-либо другими странами прежде в моей жизни. И это несмотря на то, что я была старше, опытнее, свободно говорила по-английски, и, по идее, все должно было происходить проще.

Были мелочи – надо было понять, сколько оставлять на чай в ресторанах и парикмахерских или научиться делать заказ в Starbucks (это оказалось сложнее, чем подготовить финскую налоговую декларацию). Но в американской жизни присутствовали и более крупные, загадочные вещи, которые, вопреки представлениям самих американцев, не считались бы нормой во многих других странах. Например, я попыталась открыть счет в банке, но сколько бы ни перечитывала информационные буклеты, разобраться в разнообраз-

ных комиссиях так и не смогла. Бесконечный поток писем с предложениями кредитных карточек выбивал меня из колеи, а то, как я смогла бы позволить себе платить безумные проценты по ним, оставалось для меня загадкой (в Америке эти проценты указываются в примечаниях к кредитному соглашению, напечатанных мелким шрифтом)⁴. Или вот еще: почему, покупая сотовый телефон, я обязана подписаться на услуги оператора связи на два года вперед, причем не важно, понравится мне этот провайдер или нет? В Финляндии сотовые операторы такого себе не позволяют, а если бы даже попробовали, мириться с подобным потребители не станут⁵.

А еще была проблема с подключением кабельного телевидения. Приехав в Нью-Йорк, я надеялась подписаться на пару каналов, чтобы смотреть любимые сериалы. В Финляндии это было бы делом простым, понятным и недорогим. Чтобы понять, во сколько мне это обойдется в Штатах, я поискала

⁴ Сравнить процентные ставки и комиссии по кредитным картам крайне сложно, но по некоторым данным в 2011 году в США средняя ставка по кредитным картам была на уровне 15 % годовых, а фактические ставки варьировались в диапазоне от 11 до 25 %. В то же время, по данным другого источника процентные ставки по финским кредитным картам варьируются в диапазоне от 7,5 до 14 % годовых. В Финляндии лично я ни разу не получала предложений по кредитным картам по почте.

⁵ Стоило мне переехать жить в Штаты, как американские провайдеры сотовой связи начали продавать телефоны и тарифные планы по отдельности, а финские стали продавать их пакетом. Тем не менее, по некоторым данным, в 2014 году мобильный трафик в Финляндии был одним из самых дешевых в мире, а в Америке – одним из самых дорогих. Финн платит за 500 МВ мобильного трафика 5,18 доллара, тогда как американец – 76,21 доллара.

в интернете, но попытки понять различия между пакетами программ и их стоимостью закончились для меня головной болью. Тогда я позвонила в компанию и почувствовала, что, видимо, плохо понимаю по-английски.

– Так сколько это стоит?

– Десять долларов в месяц. На первые три месяца.

– Ладно, а сколько потом?

– Не готова сказать. Это будет зависеть от цены на тот момент.

– Я не поняла. У вас цены меняются ежедневно, как на фондовом рынке?

– Вам нужно будет позвонить нам по истечении первых трех месяцев, чтобы узнать новую цену.

– Но вы ж не можете просто списывать с моей карточки любые деньги, не получив моего предварительного согласия, верно?

– Вам нужно будет позвонить нам. В противном случае мы продолжим списывать новую цену услуги автоматически.

Разумеется, непонятная «новая цена» была бы выше – и сильно выше. Постепенно я осознала, что это обычный способ ведения дел в США – заставлять вас постоянно быть на чеку, беспокоиться, чтобы заработанных денег хватило и с тревогой вчитываться в напечатанное мелким шрифтом. Эти многосложные и путаные мелкие шрифты летят в человека со всех сторон от корпораций, каким-то образом умудряющихся уклоняться даже от минимальных обязанностей по

защите интересов потребителей. Когда настало время заполнять мою первую налоговую декларацию для Дяди Сэма, ситуация ничуть не улучшилась. Я попыталась выяснить свой налоговый статус на сайте Налоговой службы и очень скоро пришла в отчаяние от невозможности постичь многочисленные страницы мелкого шрифта, переполненные оговорками и исключениями. В Финляндии подача налоговой декларации всегда была простой и быстрой процедурой. Но здесь, в Америке, под впечатлением от многочисленных информационных брошюр налоговой службы и из боязни совершить какую-нибудь дорогостоящую ошибку я сделала то, чего никогда не сделала бы на родине: наняла себе бухгалтера.

Мое настроение падало еще сильнее, когда я читала статьи в газетах и журналах с описанием жизни суперуспешных высокооплачиваемых американцев. Подъем в четыре утра, чтобы успеть просмотреть электронную почту до отъезда в спортзал, с последующим прибытием в офис к шести для начала 90-часовой трудовой недели. Американские матери, судя по всему, были способны на чудеса. Они возвращались к работе спустя всего несколько недель после родов, сцеживали молоко между совещаниями и трудились дома по выходным, управляясь одной рукой с ребенком, а другой – со смартфоном BlackBerry. Мне было понятно, что я на такое неспособна. Логическим следствием было растущее понимание, что успеха в Америке мне не видать никогда.

Тогда я увлеклась чтением историй о других американ-

цах. О гражданах, совершивших одну большую ошибку, или о тех, кому сильно не везло. Они заболели, теряли работу, разводились, беременели в самое неподходящее время или попадали под ураган. Они оказывались неспособны оплачивать счета за лечение или теряли заложенный банку дом, или работали на трех низкооплачиваемых работах и все равно не могли свести концы с концами, или отправляли детей учиться в ужасные школы, или оставляли младенцев на попечение случайных соседей из-за невозможности оплачивать ясли, или все это вместе взятое.

А еще я зациклилась на статьях об эпидемиях заболеваний пищевого происхождения в США. Токсичные пластиковые бутылки и игрушки, а также безумные количества антибиотиков, которые колют сельскохозяйственным животным, – дело явно шло к тому, что все мы выйдем от тех болезней, которые еще недавно можно было лечить этими же лекарствами. Иногда, когда я сидела на диване, уткнувшись в свой лэптоп, Тревор отрывался от своих дел и пристально смотрел на меня. «Опять у тебя то самое лицо», – тихо говорил он и нежно гладил мой лоб. Не отдавая себе в этом отчета, я постоянно хмурила брови.

Спустя какое-то время я уже не озадачивалась причинами своей постоянной паники. Как и в лапландском лесу, мой мозг обрабатывал взаимодействие с окружающей средой и выдавал четкий сигнал: ты потерялась в дебрях. А в американских дебрях каждый сам по себе.

Я винила себя. Было очевидно, что я оказалась недостаточно сильной и толковой (недостаточно американской) для жизни в этой впечатляющей и динамичной стране. Мои беды были не такими уж и серьезными. Так тревожиться по их поводу или по поводу того, что может случиться, было просто стыдно. Мама точно сказала бы, что я утратила свое *sisu*. Куда исчезла девочка, которая без каких-либо жалоб могла проползти целую милю по снегу? Больше уверенности и меньше нытья, велела я себе. Больше дела, меньше «ой-мне-страшно».

Хотя моя уверенность в себе и самооценка оказались под ударом, я ощущала необходимость действовать. И оказалось, что теперь мне просто подвергнуть сомнениям и самое себя, и часть мира, откуда я родом. Я начала думать, что американцы могут быть правы в своем критическом отношении к североевропейским странам. При всей популярности, которой пользуются в США тамошние детективы и дизайн, многие американские политики указывали на то, что государства Северной Европы незаслуженно балуют своих граждан социальными благами, результатом чего становится гибель даже малейших намеков на предприимчивость. Итог – страны, населенные беспомощными, наивными и по-детски непосредственными людьми, которые живут в нездоровой зависимости от своих правительств. Ну и, конечно, подобное общество порождает таких размазней, как я.

Часами я просиживала с нахмуренным лбом в размышлениях о недостатках своего народа и собственных слабостях. Американцы часто указывают, что Северная Европа не произвела на свет ни Стива Джобса, ни Google, ни Boeing, ни General Electric, ни Голливуд. Нас считают недостаточно многонациональными, ВВП наших стран выглядят ничтожно по сравнению с американским (если не считать Норвегию, у которой есть нефть), у нас нет ни всемирно уважаемых университетов, ни величайших инноваций, ни богатейших мужчин и женщин, достигших всего собственным трудом. Мы не рисковали жизнями и богатствами на войнах, где нужно было сражаться за общее благо. Возможно, мы и благонамеренны, но не исключительны. А вот Америка как раз такова. Она исключительна.

Я продолжала думать, что американцам не удастся оценить по достоинству некоторые хорошие стороны северо-европейской действительности, но в целом я соглашалась с мыслью о том, что мы, выходцы из этого региона, просто недостаточно амбициозны, креативны, самодостаточны и сильны. Спустя всего несколько месяцев после отъезда из Финляндии я превратилась из успешной и счастливой деловой женщины в настороженное, подозрительное и неуверенное в себе барахло.

Обрастая новыми американскими знакомствами, я тем не менее была удивлена, что многие из этих людей страдают той же сильной тревожностью, что и я сама, если не хуже.

Казалось, что почти все вокруг испытывают трудности с реалиями повседневной жизни в Америке. Многие посещали психотерапевтов, некоторые сидели на таблетках. По оценке Национального института психиатрии (NIMH), тревожным расстройством страдает почти каждый пятый житель США, а самое распространенное рецептурное психотропное средство в стране – алпразолам, или ксанакс, как его называют в Америке, – предназначено для лечения тревожности.

Вскоре я уже не чувствовала себя столь же одинокой или психованной. Покажется странным, но я испытала облегчение, узнав, что по данным опроса, проведенного страховой компанией в 2006 году, 90 % американок говорили, что чувствуют себя неуверенно в финансовом плане, а 46 % абсолютно серьезно опасались окончить свои дни уличными бездомными. И почти половину этих последних составляли женщины с годовым доходом более ста тысяч долларов⁶. Если уж оказаться в канаве опасаются американки, зарабатывающие по сто тысяч в год (а опрос проводился еще до финансового кризиса), то мне, наверное, тоже передается этот массовый местный дискомфорт. Разница была в том, что для меня это был совершенно новый и незнакомый страх, тогда как для них он был привычным делом. Так что вполне возможно, что я перепутала причину и следствие. Вполне воз-

⁶ Повторное исследование 2013 года дало очень похожие результаты – 27 % женщин из семей с годовым доходом более 200 тысяч долларов боялись «превратиться в бомжих».

можно, что я испытывала тревожность не потому, что приехала из другой страны. Возможно, она обрушилась на меня потому, что я стала превращаться в американку.

Шли месяцы, я упорно старалась освоиться и научиться жить с новой для себя неопределенностью. При этом мне казалось, что окружающие меня американцы становятся все более беспокойными, несчастными и все чаще склонны задаваться вопросом, что не так с их жизнью и страной.

Поскольку я переехала в Соединенные Штаты через пару месяцев после начала финансового кризиса, темы огромного разрыва между богачейшими американцами и всеми остальными и стагнации доходов среднего класса обсуждались все больше и больше. Политики, разумеется, тоже спорили о том, что делать, и делать ли что-то вообще, с десятками миллионов жителей страны, не имеющих доступа к страховой медицине⁷. Тем временем астрономические суммы медицинских расходов тяжелым бременем ложились на всех остальных. На вечеринках и тусовках одной из популярных тем разговоров были споры людей со своими медицинскими страховщиками.

Многие обсуждали также вопрос о том, что Америке следует делать по поводу своей слабеющей системы школьного образования. Я читала о малоимущих семьях, пытающихся перевести своих детишек из ужасающих школ в новые экспе-

⁷ По данным американского бюро переписи населения, в 2009 году медицинской страховки не было у 16,7 % американцев (50,7 миллиона человек).

риментальные, которые должны были быть получше. Обеспеченные семьи ожесточенно конкурировали за престижные места в хороших школах, стоимость которых постоянно возрастала. Эта конкуренция переходила в сражения за повышение зарплаты, необходимое для оплаты не только заоблачных счетов частных школ, но и просто для покрытия расходов на обучение в ближайшем колледже.

Налицо были явные проблемы с американской мечтой.

Застигнутая всем этим врасплох, я отчаянно старалась привыкнуть – и к своему новому дому, и к богатству возможностей этой страны, и к бремени тревоги и неопределенности, которое Америка налагала и на меня и, похоже, на большинство моих знакомых.

Примерно в это же время Тревор предложил мне выйти за него замуж.

Официально мы вступили в брак морозным декабрьским днем в ратуше Нижнего Манхэттена. Свидетелями на церемонии были лучший друг Тревоора с супругой. Потом мы отправились пить шампанское на Бруклинском мосту. Следующим летом мы устроили скромную свадебную вечеринку в Финляндии для родных и знакомых. Наши брачные обеты прозвучали солнечным августовским днем в березовой роще на берегу моря в Хельсинки.

Последний августовский номер журнала Newsweek за 2010 год появился в продаже как раз, когда мы возвращались

из Финляндии к своей полной тревог американской жизни. На его обложке пестрели флаги разных стран мира, а в центре фигурировал дразнящий заголовок: «Лучшая страна на свете – это...» Победительницей, как оказалось, стала только что покинутая мной страна.

По возвращении в Штаты я уселась на диван читать о преимуществах Финляндии, от которых добровольно отказалась. Если я и мои друзья-американцы все сильнее погружались в стресс, перерабатывали, вели нездоровый образ жизни, недостаточно зарабатывали, чувствовали неуверенность в себе и в том, насколько лучше сложится жизнь детей, то в Финляндии дела у моих друзей обстояли иначе. Их работа правильно сочеталась с личной жизнью, у них было достаточно свободного времени и средств на по-настоящему восстанавливающий силу отпуск, к их услугам была общедоступная система здравоохранения, подходящая не только финнам, но и всемирно известному футболисту Дэвиду Бекхэму. За несколько месяцев до этого он порвал ахиллесово сухожилие и при всем богатом выборе лучших докторов мира отправился делать операцию в Финляндию⁸.

Многие из моих финских друзей обзавелись детьми, и, хотя воспитание – дело отнюдь не простое, их семейная жизнь представлялась мне на удивление здоровой. В Newsweek перечислялось кое-что способствующее этому: долгие от-

⁸ Бекхэм оперировался в Турку у финского спортивного травматолога Сакари Оравы.

пуска по беременности и родам, доступность и дешевизна дошкольных детских учреждений и превосходная государственная образовательная система. По мнению Newsweek, шансы молодого человека на высокое качество жизни в Финляндии были лучше, чем где-либо еще на планете.

Публикация в Newsweek никак не повлияла на мое вновь обретенное восхищение Соединенными Штатами. Но она вернула мне нечто очень важное: утраченную уверенность в себе. Кроме того, она подтолкнула меня сравнить некоторые другие аспекты моей американской жизни с жизнью на родине. И, занявшись этим, я начала понимать, что в Newsweek затронули лишь малую часть значительно более масштабной истории.

Зависимое положение

С самого начала современной эпохи люди жаловались на то, как новая жизнь подрывает традиционные устои общества, в первую очередь семью и общину, заменяя их тревогой и неуверенностью. В те далекие времена, когда несколько поколений семьи жили под одной крышей в окружении тесно сплоченной деревенской общины, совместно ведя хозяйство и распределяя между собой домашние обязанности, человек мог чувствовать себя спокойно как минимум в части проблем, решить которые могут помочь родственники и соседи. Повседневность была относительно предсказуемой, и

человек мог умереть там же, где появился на свет, окруженный людьми, которых знал всю свою жизнь. В подавляющем большинстве современных обществ эти времена считаются давно минувшими.

С другой стороны, современность привнесла в человеческое существование некоторые потрясающие новшества, и я чувствовала, что многие из них особенно ярко заметны в Америке. Действительно, ведь самые большие достижения современности одновременно являются наиболее ценными и фундаментальными принципами американской жизни – свобода, независимость и возможности. Люди всего мира уже давно видели в Соединенных Штатах главного поборника этих основ современной эпохи. Большинство, включая меня, полагало, что США являются столь великой и уникальной страной отчасти потому, что человек может жить в ней необремененным главным недостатком традиционного общества – зависимостью от людей, среди которых он оказался по воле случая. В Америке у него есть свобода самовыражения и выбора сообщества, к которому он хочет принадлежать. Это позволяет людям общаться с родными, друзьями и соседями исходя из собственных представлений о себе, а не того, что от него требуется или ожидается в рамках старого мышления.

Поэтому чем дольше я жила в Америке и чем большей американкой становилась, тем больше недоумевала. На мой взгляд человека со стороны, именно этих ключевых благ со-

временности сегодняшней Америке удивительным образом не доставало. Это проявлялось в тысячах разных мелочей. На фоне стрессов и тревог повседневной жизни людей великие идеалы выглядели скорее теориями, чем реалиями.

Это касалось не только Нью-Йорка и не только определенных классов общества. Выбравшись из Нью-Йорка в сельскую глубинку штата Мэн, в Вашингтон, в городки штата Огайо, в Южную Вирджинию или на Западное побережье, я поражалась не тому, что люди чувствуют себя вполне свободными, имеющими все возможности для личного самовыражения или обретения жизненного успеха. Наоборот, выживание и соперничество вынуждали американцев все больше и больше зависеть друг от друга, совершая своего рода откат к традиционным отношениям прошлого. На этом пути они становились все более обязанными своим супругам, родителям, детям, коллегам и начальникам и таким образом ограничивали свои личные свободы. Такое положение дел очевидно усугубляло общий стресс и тревожность, даже в наиболее ценимых людьми областях жизни – дома и в кругу семьи.

Одной из вещей, больше всего восхищавших меня после переезда в Америку, было то, насколько многие вещи местные семьи делают сообща, как в них заступаются друг за друга, насколько радуются общению между собой и поддерживают определенный уровень демократичности. Мне очень

правилось, что между мирами молодых и взрослых нет жестких границ и обоюдного непонимания. Мне казалось, что американские семьи XXI века были одновременно очень цельными и прогрессивными.

Американские родители явно уделяли своим детям огромное количество времени и давали им вдоволь любви, внимательности и поддержки. Это представлялось полностью соответствующим тому, что делали мои друзья и знакомые в Финляндии. И американские, и финские знакомые возили своих детей на уроки музыки и футбольные тренировки, покупали им игрушки, читали вслух и размещали их фото в Facebook.

Но в то же время мне не давали покоя различия. Будучи в гостях у кого-то из американцев, я не могла отделаться от странного чувства, которого никогда не испытывала в Финляндии: мне казалось, будто дети завладевают жизнью своих родителей. И обычно я ругала себя: ну разве может нудная консервативная финка правильно оценить все инновации американской семейной жизни! И пыталась разобраться со странным смущением, которое испытываю по этому поводу.

Я познакомилась также с множеством американских родителей, которые считали, что все свободное время их детишек должно быть посвящено развивающим, познавательным и целенаправленным занятиям. Я поняла, что это связано с гонкой за места в хороших школах, причем даже для самых

маленьких. «Какой же ценой это обходится для творческих способностей ребенка?», – спрашивала я себя. Я слышала также про то, что на более поздних этапах детской карьеры школьные учителя выясняли, что большую часть домашних заданий ученика выполняют мама или папа⁹. Опять же, это было связано с желанием обеспечить хорошие оценки для перевода в лучшую школу или поступления в университет. «И насколько же сильную зависимость это воспитывает в ребенке?», – задавалась я вопросом.

Гонка за места в университетах набирала обороты, и озабоченные американские родители вынужденно взяли под плотный личный контроль постоянно ужесточающийся процесс подачи заявок на поступление. Далее, даже несмотря на всю дороговизну обучения, многие родители тратили огромные деньги еще и на жилье, питание и медицинскую страховку для поступившего ребенка, а иногда даже на мебель и машину. Вполне естественно, что взамен некоторые родители рассчитывали получать регулярные отчеты о том, чем заняты их дети, невзирая на попытки последних создать собственную взрослую идентичность после отъезда из дому. Я читала о студентах университетов, списывающихся и созванивающихся с родителями по несколько раз в день.

В нижних частях спектра доходов подростки теряли воз-

⁹ В престижной вашингтонской школе Sidwell Friends дело дошло до того, что родителям было разослано письмо с настоятельной просьбой позволить детям выполнять домашние задания без помощи родителей или репетиторов.

возможность поступления в университет из-за того, что их родители не знали, как направлять процесс подачи заявок. А многие дети из малоимущих семей, которым вопреки всему удавалось поступить в хороший университет, впоследствии бросали учебу, поскольку чувствовали необходимость быть ближе к своим семьям.

Я была удивлена тем, насколько часто даже взрослые американцы говорят, что их лучшие друзья – родители. В странах Северной Европы такой уровень взаимозависимости родителей и детей был бы немыслим.

А теперь – самое интересное. Похоже, что после того, как американские дети становятся взрослыми и обзаводятся собственными детьми и обязанностями, эти отношения взаимозависимости разворачиваются на 180 градусов. Я встречала людей среднего возраста, полностью обескураженных тяжким грузом мелочной опеки над своими престарелыми родителями. Они были измотаны решением вопросов с сиделками и лечением, со страховками и счетами (а часто и оплатой всего этого), которые сваливались на них в дополнение к собственной работе и воспитанию детей. В Финляндии подобная зависимость была бы делом неслыханным. Разумеется, у себя на родине мои финские знакомые регулярно навещали своих пожилых и не совсем здоровых родителей и помогали им, но в большинстве случаев никто не перекладывал на них обязанность ухода за престарелыми, как это происходит в Америке.

Мои собственные родители, хорошо образованные городские профессионалы, всегда помогали мне, но в то же время с малых лет объясняли, что своими делами я должна заниматься сама. Когда в девять лет меня посетила идея заняться верховой ездой, я нашла в телефонном справочнике номер местной конюшни и позвонила, чтобы заказать себе урок. Потом я позвонила маме на работу, и спросила, заплатит ли она за него. Мама согласилась. Именно так у нас все и происходило. Когда я начала заниматься верховой ездой регулярно, родители время от времени подбрасывали меня до конюшни, но обычно я ездила туда на велике или на автобусе. В семнадцать лет я самостоятельно отправилась вместе с подругой в Амстердам. В восемнадцать лет, как и все остальные финны этого возраста, я уже была практически взрослой с точки зрения общества и законодательства. Выбрав специализацию журналистика в университете, я едва обмолвилась об этом родителям. Как-никак, я уже жила отдельно от них, и за мое обучение они не платили.

Финские методы воспитания детей, на которых я росла, никак нельзя назвать идеальными. В некоторых семьях просить о помощи считалось проявлением слабости, и между детьми и родителями возникала стена стоического долготерпения. Возможно, в результате этого нынешние финские родители уделяют повседневной жизни своих детей больше внимания, чем во времена моего детства. Лично у меня все-

гда были очень теплые отношения с родителями, и я всегда могла рассчитывать на их помощь в случае необходимости. Но они намеренно не вмешивались во многие из важных жизненных решений, которые я принимала. Подавляющее большинство моих финских знакомых росли примерно так же: любовь к родителям сочеталась с постепенным обретением независимости от них.

Вскоре выяснилось, что мое настороженное отношение к отдельным аспектам семейной жизни американцев соответствует актуальным трендам. Эксперты в области детского развития указывали на опасности чрезмерной родительской опеки и отмечали, что взрослым молодым людям бывает трудно утвердиться в самостоятельной жизни после того, как на протяжении двух десятков или более лет их всячески оберегали от неудач и принятия собственных решений. Подобные проблемы нашли свое отражение и в телесериалах с комедийной интонацией. В частности, «Девочки» начинаются с того, что родители лишают двадцатичетырехлетнюю творческую личность Ханну финансовой поддержки, которую она получала во время учебы в университете и еще целых два года после получения диплома. На самом деле, американцы всерьез обеспокоились потенциально губительными долгосрочными эффектами зависимости ребенка от излишней родительской опеки. В частности, широкую известность получила заглавная статья одного из номеров журнала The Atlantic под названием «Как довести своего ребенка до

психотерапии». Сыграла свою роль и фармацевтическая отрасль, хорошо наживающаяся на продажах транквилизаторов и антидепрессантов.

Сравнивая своих финских и американских знакомых, я пришла к выводу, что более простые методы воспитания, позволяющие ребенку совершать ошибки, становиться независимым, самостоятельно искать и находить для себя жизненные возможности, – просто непозволительная роскошь для большого числа американских семей. В Америке основным фактором, позволяющим человеку рассчитывать на стабильное будущее представителя среднего класса, является всего лишь наличие проактивных, неутомимых и вникающих во все детали родителей. Это не способ воспитать независимого, готового справляться с жизненными трудностями ребенка. Наоборот, это верный способ вырастить ребенка, жизнь которого будет осложнять зависимость едва ли не архаического толка. И главная причина этого находится не в эмоциональной или психологической области. Это структурная проблема, вызванная упадком системы государственного школьного образования и головокружительной стоимостью обучения в университетах.

То же относится и к взрослым детям, которым приходится ухаживать за своими пожилыми родителями. В Соединенных Штатах практически невозможно найти качественный и недорогой уход за престарелыми. Поэтому бремя повседневной заботы о родителях ложится на их взрослых детей, и без

того перегруженных проблемами.

В то время у меня не было собственных детей, а пожилые родители остались в Финляндии, так что эти существенные различия между странами были для меня всего лишь предметом размышлений. Но был еще один вид отношений, который также делал жизнь в Америке разительно непохожей на жизнь в странах Северной Европы. В этих отношениях я теперь участвовала лично – это отношения между женщиной и мужчиной.

Я росла, вдохновляясь примерами сильных американок – политических деятельниц, артисток и писательниц, которые оставались верны своему призванию, а не посвящали жизнь поиску мужчины. Когда мне нужно было взбодриться для работы или поддержать себя в трудной личной или общественной ситуации, я воодушевлялась чтением произведений американских писательниц. Переехав в Нью-Йорк, я не всегда чувствовала себя комфортно в окружении модно одетых и безупречно ухоженных властных манхэттенских дам. В здравомыслящей Финляндии я привыкла к более скромному внешнему виду. Но позитивный настрой и безоговорочная твердость характера американок приводили меня в полный восторг, когда я работала в манхэттенском бюро известного финансового журнала.

Однако существовала и обратная сторона медали. Начав жить в Штатах, я стала испытывать некую растерянность в связи с новой для себя ролью американской женщины. И

особенно в том, что касалось брака и природы отношений между супругами.

Я уже давно смотрела американские телесериалы и фильмы и привыкла видеть женщин, одержимых желанием идеального брака. Первой американской мыльной оперой, достигшей финских телеэкранов в начале 1990-х, был сериал «Дерзкие и красивые». Он имел настолько ошеломляющий успех, что финны стали называть своих новорожденных детей в честь его персонажей: Ридж и Брук. Что касается меня, то в результате его просмотра я узнала два новых английских слова. Первое – «commitment», то есть «серьезные отношения». Это было то, чего женские персонажи сериала постоянно требовали от своих мужчин. Вторым словом было «libido», и в сериале его наличием обычно объяснялось то, что «серьезные отношения» с мужчинами мечты просто невозможны.

Тем не менее иногда женское упорство вознаграждалось: кто-то из мужчин делал даме сердца предложение и преподносил обручальное кольцо, как правило, в бокале с шампанским. (Это всегда казалось мне рискованным мероприятием. Зимы в Северной Европе долгие, темные и холодные, так что даже самые разборчивые из наших дам не преминут опрокинуть залпом подвернувшийся кстати бокал спиртного). Для меня и моих подруг английское «commitment» стало карикатурным изображением того, на что можно надеяться в отношениях с мужчиной. Мы произносили его характерным

для мыльных опер серьезным тоном, после чего умирали со смеху. Затем я наблюдала как женщины из куда более утонченных сериалов «Элли МакБил» и «Секс в большом городе» тоже стараются подцепить мужчину. На смену им пришли заикленные на свадьбе невесты из американских реалити-шоу.

Конечно, персонажи этих фильмов были гиперболизацией, но через какое-то время после переезда в США я поняла, что охота на идеального мужчину не такое большое преувеличение, как мне казалось. В реальной американской жизни серьезные намерения имели важное значение, не говоря уже о том, что идеальный муж должен был быть хорош собой, добр, романтичен, порядочен, работящ и чадолюбив. Однако еще какое-то время спустя я осознала, что у поисков мужчины с серьезными намерениями есть некая подоплека, которую я раньше не замечала (хотя намеков на нее в «Сексе в большом городе» было более чем достаточно). В Америке прямо или косвенно подразумевается, что женщине, ищущей мужчину с серьезными намерениями, нужен человек, который хорошо зарабатывает – пусть даже и в ущерб каким-то другим качествам.

Первым очевидным указанием на это являются обручальные кольца с бриллиантами, которые носят американки. Даже мой американский бойфренд Тревор с его скромными писательско-преподавательскими доходами протянул мне кольцо с бриллиантом, когда делал предложение. Ему

повезло – он получил его в наследство от своей бабушки. Это была самая прекрасная вещь из всего, что у меня было – колечко с небольшим бриллиантом, окруженным двумя опалами. Это был истинный знак его любви, заставивший мое сердце дрогнуть. Но по отношению к самому кольцу я испытывала смешанные чувства. На моей родине помолвленные обычно носят простые золотые колечки. Только позже, уже на свадьбу, мужчина может подарить женщине еще одно кольцо, возможно, с камушками, но вряд ли настолько дорогими, как бриллианты. С подарком своего американского жениха на пальце я время от времени ощущала неловкость оттого, что выставляю на всеобщее обозрение настолько дорогостоящую вещь. Более того, меня озадачивало, что символом нашего будущего брака является демонстрация материальной состоятельности. И, кстати, почему именно его, а не моей? Потирая пальцами матовые опалы и сверкающий бриллиант, я чувствовала себя Голлумом из «Властелина колец» – я одновременно обожала и ненавидела эту драгоценность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.